

Жил-был Фип

Жил-был Фип.

Правду сказать, жил он еще так недолго, что даже сам и не знал, кем он был.

А был он инкубаторным цыпленком трех дней от роду - маленьким, желтым, пушистым комочком на тоненьких ножках и с тоненьким голоском: "Фип! Фип!" Вместе с тысячами - если тебя интересуют цифры, могу сказать точно: вместе с 39312 (знаешь, как это произносится? С тридцатью девятью тысячами тремястами двенадцатью) - братьями и сестрами он появился на свет в огромном здании, на котором красовалась вывеска: "Птицефабрика Э 2".

Появился на свет - так, пожалуй, можно сказать, хотя было там не так-то уж и светло. Правда, там было тепло; но не было ни солнца, ни неба, ни земли, ни травы, ни ветра - словом, ни природы, ни погоды!

Но Фип ни капельки из-за этого не огорчился! Ведь он и не подозревал, что на свете бывают такие вещи, как природа, погода, небо, солнце, земля и так далее.

Что греха таить, знал он маловато, а умел еще меньше.

И все-таки он весело поклевывал вкусную кашку из молотых зерен, косточек, червячков и тому подобного (называется это кормовой смесью) и весело попискивал своим тоненьким голоском: "Фип!" Уж это-то он умел.

И так продолжалось - ты не забыл - ровно три дня.

А на четвертый день поутру его посадили в картонную коробочку, где уже сидело 35 (тридцать пять) его братьев и сестер - таких же, как Фип, желтеньких и пушистых, и так же перепуганных. Все они, включая Фипа, пищали изо всех сил.

Но, как известно, писк обычно мало помогает.

Не помог он и нашим цыплятам. Их коробку погрузили в кузов маленького автомобиля "пикапа", где было совсем темно и не очень-то приятно пахло и где уже стояло множество таких же картонных коробок, - все они тоже отчаянно пищали. Но тут что-то громко зафыркало, затарахтело, зарычало: цыплята почувствовали, что все куда-то едет, едет, едет... и запищали еще громче, но, так как они сами не слышали собственного писка, им скоро пришлось перестать.

Грузовичок вскоре остановился, и шофер начал передавать притихшие коробочки в руки какой-то тете.

Тетя, кстати сказать, была очень миловидная (то есть на нее было приятно смотреть).

И шофер на нее так засмотрелся, что даже не заметил, как из одной коробочки полетел на траву желтый пушистый комочек.

Это был Фип.

2

Не от страха (испугаться он не успел), а, наверное, просто от неожиданности (ведь он еще никогда не летал) Фип потерял сознание: он закрыл глаза и как будто заснул.

Но когда он пришел в себя и открыл глаза, он испугался по-настоящему: прямо над ним нависла чья-то огромная страшная морда с большими зубами.

Бедный Фип не знал, что делать. Он было вскочил на ноги, но они у него тут же подкосились; он снова зажмурился, но так было еще страшней...

Все это случилось с ним только потому, что он так мало знал; знай он чуть побольше, он бы понял, что эта страшная, как ему показалось, морда принадлежит веселому, добродушному и любопытному Жеребенку.

- И-го-го! Тебя как звать? - спросил Жеребенок, и спросил так приветливо, что даже Фип как-то сразу начал понимать, что бояться вроде бы нечего.

- Фип, - ответил Фип.

- Ага-га! Фип, понял! - сказал Жеребенок (тут-то Фип и получил свое имя). - А

откуда ты взялся, Фип?

- Не знаю! - честно ответил Фип.

- Иги-ги, потерялся! - сообщил сообразительный Жеребенок. - А что делать будешь?

- Не знаю... - опять признался Фип.

- Ага-га! А я знаю! Будешь своих искать!

- Каких своих? - слабо спросил ничего не понимающий Фип.

Жеребенок тоненько заржал.

- Вот чудак! Своих не знает! Ты ведь кто? Птица! Значит, и твои - птицы! Мои свои - лошади, а твои свои - птицы!

- А кто это - птицы? - заинтересовался Фип. Почему-то это слово ему понравилось.

- Иго-го! Птицы - это, брат... Ну, птички, понял?

- Не понял, - признался Фип.

- Ну, такие, с этими... с крыльями... Ну, которые по воздуху бегают быстро-быстро! Еще говорят... Ага, вспомнил! Которые летают! - с удовольствием повторил Жеребенок. Ему было приятно, что он вспомнил такое трудное слово.

Интересная и содержательная беседа продолжалась бы, возможно, еще долго, но в это время кто-то из своих Жеребенка призывно заржал (неподалеку паслось несколько лошадей), и Жеребенок, крикнув:

- Бегу, мама! - понесся прочь, успев на прощание только предупредить Фипа:
- Ищи своих, а то совсем пропадешь!

3

Фип встал на ноги и осмотрелся. Какой огромный, яркий, шумный мир окружал его!

Зеленый-зеленый луг, синее-синее небо, а там, в небе, что-то ослепительно золотое - Фип было глянул и поскорей снова зажмурился... А как тепло, какие чудесные запахи, какой ласковый ветерок! От ветерка чуть колыхнется

зеленая трава - такая высокая, что не только Фипу можно спрятаться в ней с головой, - и важно покачивают хорошенькими головками цветы. Их так много, они такие разные! Желтые, красные, белые, лиловые... И повсюду, куда ни глянь, - птицы. Они то перелетают с цветка на цветок, с травинки на травинку, то подолгу вьются в воздухе на одном месте, то стремительно, с жужжанием проносятся у Фипа над самой головой.

"Ну, тут я не пропаду, - радостно подумал Фип. - Сколько своих!" Но странное дело, к кому бы из них Фип ни кидался, все птицы шарахались от него в сторону и поскорей уносили ноги. Никто из крылатых не только не желал вступить с Фипом в разговор, - никто не отвечал ему даже на самые вежливые вопросы.

На Фипово счастье, неподалеку от него на синий с желтым цветок плавно опустилась очень-очень большая птица, пожалуй, больше самого Фипа. У нее были пушистые усики, шесть тоненьких ножек, широкие разноцветные крылья, и при каждом ее движении крылья эти отливали всеми цветами радуги. Наученный горьким опытом, Фип подошел к ней, медленно, осторожно, и первым делом вежливо поздоровался.

- Здравствуйте, тетя! - пискнул Фип. - Можно мне спросить у вас одну вещь?

Бабочка (ты, конечно, догадался, что это была она) была такая большая, что не испугалась Фипа.

- Спрашивай, вежливый малыш, - сказала она.

- Тетя, вы - птица? - спросил Фип и тут же понял, что сказал что-то неподходящее.

Бабочка взмахнула крылышками, словно собиралась улететь.

- Не улетайте, тетя! Пожалуйста! Пожалуйста! - отчаянно пискнул Фип.

Бабочка осталась на месте и принялась только усиленно обмахиваться крылышками.

- Как ты мог... как ты мог даже подумать обо мне такую ужасную вещь! - сказала она наконец. - Я - птица? Б-р-р!

- Но ведь вы же летаете! - пискнул совершенно сбитый с толку Фип. - А кто летает - тот птица...

Тут Бабочка тоненько рассмеялась.

- Я вижу, ты просто глупыш и не хотел меня обидеть, - сказала она и улетела.

4

День шел к концу, а Фипу так и не удалось найти ни одной настоящей птицы.

Бедняга совсем расстроился, а особенно огорчало его, что все, к кому он обращался, - все крылатые, все летающие, обижаются, когда он принимает их за птиц. А один большущий (чуть ли не больше самого Фипа) Жук даже обещал его отколотить за такие вопросы.

- Что же это получается? - рассуждал Фип вслух, устраиваясь на ночлег под кустиком (ему-то этот кустик казался большим деревом). - Получается чепуха:

летают, а не птицы. Ну просто чепуха!

- Чепуха, мой друг, твои рассуждения! - вдруг послышалось откуда-то сверху. - Впрочем, меня это не удивляет. У вас там, внизу, все вверх тормашками.

Фип поднял голову. Высоко над ним, на ветке кто-то висел вниз головой.

От изумления Фип не мог произнести ни звука.

- Да-с, - продолжала неизвестная собеседница Фипа, - попробуй рассуждать по-настоящему.

Видя, что Фип ничего не понимает, она пояснила:

- Насекомые летают, но они не птицы. Я летаю, но я не птица. Вывод: не все, кто летает, - птицы.

Фип разинул клювик от удивления и огорчения.

- Да-с, - с торжеством сказала незнакомка. - И больше того: не все птицы летают.

Страус - не летает. Киви - не летает. Пингвин - не летает. А вот я - летаю.

И с этими словами Летучая Мышь (кто же это мог быть, кроме нее?) расправила огромные кожистые крылья и бесшумно исчезла в вечерних

сумерках. Вскоре она вернулась, и что-то упало на голову Фипу. Ему показалось, что это были жесткие надкрылья того самого Жука, который недавно грозился его поколотить...

- Птицы, а не летают, летают, а не птицы, - рассуждал сам с собой Фип. - Ну, как же тогда мне птиц узнать? - захныкал он так жалобно, что и Летучая Мышь смягчилась.

- Птиц узнать очень просто, - сказала она. - Они поют! Да-с!

- Птицы поют, птицы поют, - повторял Фип, чтобы не забыть. С этими словами он и заснул.

5

Утро было чудесное. Только Филу сразу захотелось пить и есть. Он склюнул несколько росинок с листьев и травы и начал поклевывать зернышки, хотя они были зеленые и не такие вкусные, как те, которые давали Фипу раньше, но он был и тому рад и клевал их с большим увлечением.

Но вдруг он бросил свое увлекательное занятие и насторожился. Да, сомнений не было - кто-то громко-громко пел:

- В реке-кекс! В реке-реке-кекс!

Хотя Фип и не знал, что такое "кекс", ни даже что такое река, он так и кинулся на звук этой песни. Вполне естественно: во-первых, ему очень понравилась песня, а во-вторых (и это главное), это была песня и, значит, где-то рядом была и птица.

И действительно, на берегу большой лужи (или маленького прудика) сидел кто-то необыкновенно красивый: зеленый, блестящий, с большими блестящими глазами, и пел. Чудесно пел:

- В реке-кекс!

Фип так заслушался, что забыл обо всем на свете.

- Вы, конечно, птичка? - спросил он, когда певица наконец замолчала.

- Квак? - спросила певица. - Почему ты так решил?

- Мне сказали, что птички поют, а вы так замечательно поете!

- Квак, квак я пою? - переспросила зеленая певичка.

- Замечательно, чудесно! - восхищался Фип. - В жизни не слышал такого дивного пения!

Я думаю, не надо объяснять, что Фип говорил чистую правду: он ведь действительно в жизни не слышал пения.

- Ты, видать, умный головастик, - сказала зеленая певичка. - Пою я действительно чудесно, замечательно! Это ты все правильно говоришь. Но только я не птица. Вот еще! Я - Лягушка!

Бедный Фип не мог скрыть своего разочарования.

- А я думал... а мне говорили - только птицы поют... - жалобным голоском протянул он.

- Хе-хе-хе! Кто это тебе говорил?

- Летучая Мышь, - сказал Фип.

- Летучая Мышь? Хе-хе-хе! - засмеялась Лягушка. - Ну, у нее, известно, все вверх тормашками, она ведь вниз головой спит! Придумала тоже! Только птицы поют! Мы, лягушки, лучше всяких птиц поем, сам слышал! А почему?

Тут Лягушка сделала такую большую паузу, что Фипу волей-неволей пришлось спросить:

- Да, почему?

- Да потому, что мы первые на свете запели.

Лягушка снова сделала паузу, и Фипу опять пришлось спросить:

- Ну да?

- Да! Ведь было время, никто петь не умел, потому что все в воде жили, а там не очень-то распоешься. А вот мы, лягушки, сумели! И запели!

Лягушка снова замолчала, очевидно ожидая, чтобы Фип опять выразил свой восторг.

Но Фип неправильно ее понял.

- А как же мне тогда... - начал было он, но она его перебила:

- Да, мы первые запели, а там уж и другие... и птицы эти хваленые, а уж теперь все, кому не лень, поют...

Фип снова попытался о чем-то спросить Лягушку, но она не обращала на него внимания.

- Все поют, - продолжала она с жаром, - кто может и кто не может. У птиц хоть голос есть какой-никакой, а многие - хе-хе-хе - совсем без голоса поют! До того техника дошла - не поверишь: ногами поют, ногами слушают. Можешь себе представить?

- Не могу, - честно признался Фип.

- Да вон, гляди, вон он, видишь там, зелененький, коленками назад.

Фип посмотрел туда, куда показывала Лягушка, и увидел большого зеленого Кузнечика. Кузнечик сильно чиркнул ножкой по крылу, еще, еще - и полилась всем знакомая песенка.

- Видишь, вот он самый и есть, - с удовлетворением сказала Лягушка, - жаль, далековато сидит, а то мы бы его получше рассмотрели.

И тут Фип вдруг заплакал.

- Ой-ой-ой, что же мне делать? Все летают, все поют, - всхлипывал он, - как же мне птиц узнать?

Лягушка заметила, что бедный цыпленок совсем расстроился, и ей стало его жалко.

- Как птиц узнать? Это я тебя, головастик, научу, - сказала она добродушно. - Кто поет - хорошо, кто летает - тоже хорошо, но это еще полдела. А главное дело - кто гнездо строит, тот и птица. Понял?

- Ничего я не понял, - ответил Фип. - Какие еще гнезда? Где они бывают?

- Опять я тебя, головастик, научу, - продолжала Лягушка. - Гнезда всякие бывают.

И всюду они бывают: на земле, на кустах, на деревьях... Ищи только лучше. Да вон оно! Вон оно, гнездо! Во-о-о-н там, в тростнике, видишь?

- Большое спасибо, тетя, - крикнул Фип и бегом устремился к тростникам, туда, где на высокой, стройной тростинке покачивалось гнездышко, очень хорошенькое гнездышко, сплетенное из сухих травинок.

- Птица, птица, выходи! - крикнул Фип еще на бегу. На этот раз он был уже совершенно уверен, что нашел своих.

И на его призыв действительно из гнездышка выглянула чья-то очаровательная мордочка, за ней - вторая, третья. Просто удивительно было, как они все там помещались.

- Вы - птицы? - спросил Фип упавшим голосом. Почему-то его уверенность начала пропадать.

- Хи-хи! - ответили из гнезда. - Он думает, мы птицы. Хи-хи! Хи-хи! Какие ж мы птицы? Ты разве не видишь, мышата мы!

- Мышата... - растерянно протянул Фип. - А зачем же вы в гнезде сидите?

- Как зачем? Это наше гнездышко!

- А мне говорили: птички гнезда вьют.

- Птички несут яички, - сообщили ему наперебой все три мышонка.

- Несут яички? А куда? - грустно спросил Фип. И тут раздался такой взрыв хохота, что он, повесив голову, зашагал прочь.

- Эй, малыш, погоди! - крикнул кто-то ему вслед.

Фип неохотно обернулся. Из гнезда выглядывала мордочка побольше. Это была мама мышат, Мышь-Малютка.

- Ты ищешь птичек? - спросила она. - Так вот: птички правда живут в гнездышке и правда несут яички, такие белые, кругловатые, а бывают и раскрашенные!

- Спасибо, - сказал Фип. - Белые, кругловатые, - повторил он. И вдруг перед его глазами всплыла знакомая картина: белые, кругловатые... Время от времени они лопались, и на волю выходил брат или сестренка Фипа.

- Вспомнил! - запищал Фип, очень взволнованный. - Так и есть, и я был в яичке, значит, я правда птица!

От радости он начал клевать все, что попало, и сам не заметил, как забрался на какую-то покрытую сухими иголками и колючими ветками кочку. На ее верхушке лежали белые кругловатые предметы, очень похожие на те, о которых Фип только что вспоминал, только маленькие, и он стал клевать их тоже.

- Эй, ты! Ты что делаешь? - слышался такой тонюсенький голосок, что Фипов писк мог по сравнению с ним показаться басом. - Это наши яички! Мы их несем сушить, а ты клюешь!

- Вы несете яички? - спросил ошеломленный Фип, разыскивая глазами, кто это говорит. - Да где же вы? Значит, вы птички? Где же вы?

- Вот мы где, - отвечал тоненький голосок, и тут Фип наконец увидел своего собеседника. Это был рыжий Муравей.

- Так это вы птички? - с сомнением сказал Фип. - Птички несут яички, - машинально повторил он заученную фразу.

- Да что ты, дяденька, - с искренним недоумением ответил Муравей. - При чем тут птички? Что у них там за яички? Ну, одно-два яичка снесет или там пяток, и все.

А у нас, у муравьев, - ого-го! У нас, брат, царица за день столько яичек отложит - и счету нет! Милльон! А то даже тыщу!

Так как Фип совершенно не умел считать, на него это муравьиное хвостовство не произвело впечатления. Он понял только одно: он опять не нашел птичек.

Окончательно разочарованный, он поплелся прочь.

- Что же это получается? - убивался Фип, присев отдохнуть под высоким-высоким, до самого неба, деревом. - Летают - и не птички... Поют - и не птички... Гнезда вьют - и не птички... Яички несут - и то не птички! - разрыдался бедный цыпленок. - Все - не птички! А кто же тогда птички? - сказал он, ни к кому не обращаясь.

И в ответ он неожиданно услышал чей-то глубокий, добрый-предобрый голос:

- Птицу узнаешь по перу. - И с вершины дерева, под которым сидел Фип, плавно, медленно слетело вниз птичье перышко - красивое, легкое, блестящее. Плавными, широкими кругами опускалось оно все ниже и ниже, и, когда оно заканчивало круг, вновь зазвучал добрый, глубокий голос: это говорило Дерево.

- Есть птицы, которые не поют... Есть птицы, которые не летают... И гнезд не выют... Есть птицы и совсем без крыльев... Но нет птицы без перьев!

Дерево умолкло, и, словно поставив точку, перышко опустилось Фипу прямехонько на нос.

- А у меня ведь и перьев нет?... Значит, я сам не птица! - ахнул Фип.

Но он не успел даже расстроиться, потому что рядом с ним на землю опустился кто-то, ростом даже чуть поменьше Фипа, но ужасно бойкий, веселый и нахальный и весь в перьях.

- Известно, не птица! Курица - не птица! - весело сообщил Воробей (это был именно он и никто другой).

- А я разве курица? - спросил бедный Фип.

- Ты-то? Ты даже еще не курица, - продолжал насмешник. - Ты - цыпленок, хорошо еще, хоть нежареный!

- Ой-ой-ой! - захныкал Фип. - Ну, где же мне найти своих?

И он повесил голову с таким убитым видом, что его пожалел бы даже разбойник Коршун, не только честный Воробей.

- Да не хнычь ты! - весело чирикнул он. - Вон они, твои!

- Где? - недоверчиво поднял голову страдалец Фип.

- Квох-квох! - донеслось до его слуха. - Квох-квох!

Лучше этого Фип еще ничего не слышал в своей богатой приключениями жизни. И лучше этой картины он не видел: совсем неподалеку на лужок вышла птица - большая, красивая, пестрая, а за ней, весело попискивая, попевала целая дюжина таких же желтых пушистых комочков, как сам Фип.

Фип рванулся было к ним, но вдруг остановился.

- А перья? - спросил он робко.

- А перья вырастут! - засмеялся Воробей. - Лети, лети к своим, не сомневайся!

И Фип полетел. Со всех ног.

